

Заключение. Отнесение производного сленгизма, по форме совпадающего со словом ЛЯ, к результату семантической или морфологической деривации во многих случаях сопряжено с трудностями, обусловленными вторичным характером сленга по отношению к системе ЛЯ. Определение статуса производного слова (семантический или морфологический дериват) во многих случаях оказывается возможным только с учетом его деривационной истории, что имеет своим результатом градуируемый характер процесса сближения семантической и морфологической деривации.

Список цитируемых источников

1. Лукашанец, Е. Г. Словообразовательная система русского арго и проблемы ее описания / Е. Г. Лукашанец. — Минск : МГЛУ, 2007. — 300 с.
2. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль ; пер. А. А. Холодовича. — М. : Изд-во иностр. лит., 1960. — 500 с.

УДК 81'42

А. Ф. Макарова, О. В. Леон

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РОЛЕВО-КОММУНИКАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ЗАПРЕТОВ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Введение. Речевое поведение упорядочено разными нормами и правилами, диктующими представителям той или иной культуры конкретные пути вербального и невербального взаимодействия для гармоничной и плодотворной коммуникации. Чтобы избежать коммуникативных неудач, необходимо придерживаться речевых норм той или иной лингвокультурной общности и не сталкиваться с нарушением речевых запретов, в связи с чем возникает потребность в изучении гендерно-специфических речевых запретов в британской и американской лингвокультурах в сравнительно-сопоставительном аспекте. Неполная решенность данной проблемной задачи, стоящей перед современной лингвистикой, определяет актуальность данного исследования.

Цель исследования состоит в выявлении гендерных и лингвокультурных различий в актуализации ролево-коммуникативных речевых запретов в современной британской коммуникативной среде.

Объектом исследования являются ролево-коммуникативные речевые запреты. Предметом исследования являются общие и специфические черты вербализации речевых запретов в гендерно-лингвокультурном аспекте британской диалогической речи.

Основная часть. Материалом для данного исследования послужили романы современной британской писательницы Софи Кинселлы (Sophie Kinsella, настоящее имя — Маделин Уикем (Madeleine Wickham)), “Shopaholic Ties the Knot” [1], “Confessions of a Shopaholic” [2] и “Shopaholic and Sister” [3], из которых было отобрано 14 диалогических единств, представляющих собой контексты актуализации речевых запретов посредством корректирующих метасообщений. Под ролево-коммуникативными этноречевыми запретами подразумевается свод коммуникативных правил, которые определяют то, как следует формировать вербальный образ действий коммуниканта в соотношении к его общественному положению [4].

Ролево-коммуникативные запреты, отраженные в произведениях британской писательницы, составляют 43% выборки (6 диалогических единств). Большинство корректирующих сообщений при этом адресовано женщинами мужчинам (50%), в то время как 33% коррекции ролево-коммуникативных запретов адресуются мужчинами женщинам, 17% — женщиной женщине.

Содержание ролево-коммуникативных запретов, адресованных женщинами мужчинам, заключается в определенных аспектах.

1. Запрет на негативные или иронические высказывания мужчины о друзьях женщины:

“So, these weird cousin-marrying friends of yours,” he says. “What’s that about?”

“They’re not weird!” (1). I hesitate for a moment. “Well, OK, Tarquin is a tiny bit weird (2). But Suze isn’t weird at all. She’s my best friend! (3). You’ve met her!”

Danny raises an eyebrow. “So — couldn’t they find anyone else to marry except their own family? Was it like, ‘OK, Mom’s taken... my sister, too fat... the dog... mmm, don’t like the hair.’”

“Stop it!” (4). I can’t help giggling (5). “They just suddenly realized they were meant for each other.”

“Like Harry Met Sally.” He puts on a film-trailer voice. “They were friends. They came from the same gene pool.”

“Danny...” (6).

“OK.” *He relents, and snips off the thread. “So, what about you and Luke?”* [1] (корректирующие сообщения, используемые женщиной в данном микродиалоге, выражены прямым отрицанием оценки, данной партнером по диалогу (1); при этом отрицание смягчается уступкой, частичным согласием (2), напоминанием о статусно-ролевом положении обсуждаемой персоны (3), прямым императивом (4), смягчаемым невербальным компонентом (5), прямым обращением, структура которого представляет собой апосиопезу — обрыв недоговоренной фразы (6)).

2. Запрет на напоминания бывшим бойфрендом об утраченном статусе жениха и о неудачных отношениях с женщиной-адресатом в прошлом:

“So how’s New York?”

“It’s great! Really exciting... I love my job... it’s such a great place to live!”

“I’ve never been,” says Tom wistfully. “I wanted to go there for our honeymoon.”

“Tom, don’t start that again, (1) says Lucy sharply (2). “OK?” [1] (корректирующее сообщение представляет собой прямой отрицательный императив (1), произнесенный довольно резким тоном (2)).

3. Запрет на выражение похвалы или признания положительных качеств другой женщины при своей будущей жене:

He thinks Jess is fab, doesn’t he? Jess is fab... and I’m crap.

“So Jess has been a help to you, has she?” (1). I say, my voice trembling.

“Yes. To be honest, she has.”

“I suppose you’d rather she was here than me (2). I suppose you’d rather we swapped places (3)”.

“Don’t be ridiculous.” (4). Luke folds up the letter and pops it back in the Jiffy bag.

“If you think Jess is so great, why don’t you just go and live with her?” (5). I can’t seem to control the words — they escape in an avalanche. “Why don’t you just go and... and talk about computers together?” (6).

“Becky, calm down,” (7) says Luke, clearly amazed.

But I can’t calm down.

“It’s OK! You can be honest! If you prefer a miserable skinflint with zero dress sense and zero sense of humor to me... just say so! (8). Maybe you should marry her if she’s so great! (9). I’m sure you’d have a wonderful time together... (10)”.

“Becky!” (11). Luke cuts me off (12) with a look which chills me to the marrow (13). “Just stop right there” (14).

I don’t dare move a muscle. I feel like we’ve plunged to some new, scary place in our relationship [3].

Реакция на нарушение данного запрета отличается особенно интенсивной эмоциональной окрашенностью и многословностью вербальной формы. В целях выражения коррекции адресант использует разнообразные риторические вопросы (разделительные вопросы (1), косвенные императивы (5, 6)), прямые императивы (8), прямые предположения (2, 3, 10), иронические советы (9).

Любопытно, что коррекция нарушения данного речевого запрета провоцирует встречную коррекцию со стороны мужчины, для которого действует другой речевой запрет — запрет на вербальное выражение беспочвенной ревности со стороны будущей жены. Корректирующие сообщения, адресованные мужчине женщиной в приведенном диалоге, содержат прямые негативно-оценочные выражения (4), прямые обращения в сочетании с прямым императивом (7), а также прямое обращение, оформленное как восклицание (11), произнесенное с перебиванием собеседника (12) и сопровождающееся невербальным сообщением, выражающим крайнее недовольство или даже угрозу (13), за которым следует прямой императив (14).

Другим речевым запретом, актуальным для мужчины-коммуниканта, являются амбивалентные жалобы, предъявляемые ему женщиной, которая упрекает мужчину в безынициативности и в то же время встречает критикой какую-либо инициативу с его стороны:

“Yeah, well, maybe if we had more of a life, maybe if you actually organized something once in a blue moon, maybe if we weren’t stuck in such a bloody rut...”

Lucy’s voice is so hectoring (1). And now Tom’s voice is raised defensively in return (2).

“We went out to... all you could do was complain... (3) made a real bloody effort... (4)” [1].

На критику подобного рода, которую женщина высказывает угрожающим тоном (1), мужчина реагирует коррекцией на повышенных тонах, предпринимаемой в целях самозащиты (2). Корректирующее сообщение мужчины-адресанта содержит многочисленные апосиопезы (3) и интенсифицированное оценочное высказывание с референцией к приложенным к ним усилиям (4).

Единственным ролево-коммуникативным запретом, адресованным женщиной женщине (в диалоге ровесниц), является взятие тона, свойственного женщинам старшего возраста:

“Oh God, Suze,” I breathe, my throat tight. “You’re going to be so completely beautiful. I still can’t believe you’re getting married! ‘Mrs. Cleath-Stuart’.”

“Ooh (1), don’t call me that! (2)” says Suze, wrinkling her nose (3). “It sounds like my mother (4)” [1].

Коррекция в данном контексте совершается посредством прямого императива (2), сопровождаемого междометием, выражающим негативную оценку (1), и невербальным средством выражения отвращения (3), а также сравнительной конструкцией, дополняющей оценку корректируемого высказывания (4).

Заключение. Нарушения ролево-коммуникативных запретов в проанализированных нами британских романах корректируются чаще женщинами, чем мужчинами. Мужчины уделяют внимание нарушению тех запретов, которые связаны с угрозой их позитивному лицу (положительным представлениям о них), в то время как женщин задевают негативные высказывания об их друзьях, напоминания о неудавшихся отношениях и попытки их возобновить,

позитивные высказывания их партнеров о других женщинах. Кроме того, для женщин важно ощущать себя молодыми, в силу чего в общении между собой они склонны избегать стиля коммуникации женщин старшего возраста.

Что касается употребления лингвистических и экстралингвистических средств выражения коррекции выявленных нарушений, то как мужчины, так и женщины употребляют в высказываниях подобного рода прямые императивы, оценочные высказывания, прямые обращения и сопутствующие невербальные средства (мимика и жесты, эмоциональная окраска голоса). При этом только женщины используют вербальные выражения уступки и смягчения императива или отрицания, конструкции отрицания оценки, косвенные императивы, риторические вопросы, предположения, иронические советы, междометия. Содержание высказываний-напоминаний у женщин связано с отсылками к социороловому статусу людей, у мужчин — к коммуникативным ситуациям. Корректирующие сообщения мужчин чаще, чем у женщин (3:1), имеют незавершенную синтаксическую структуру (апосиопеза).

Список цитируемых источников

1. *Kinsella, S. Shopaholic Ties the Knot / S. Kinsella.* — U. K. : Dell publishing Company, 2002. — 406 с.
2. *Kinsella, S. Confessions of a Shopaholic / S. Kinsella.* — U. K. : Dell publishing Company, 2000. — 368 с.
3. *Kinsella, S. Shopaholic and Sister / S. Kinsella.* — U. K. : Dell publishing Company, 2004. — 388 с.
4. *Садыкова, И. А.* Корректирующие высказывания в татарской и русской диалогической речи (на материале отражения нарушений этноречевых запретов в современной драматургии) / И. А. Садыкова // Научная электронная библиотека disserCat [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/korrektiruyushchie-vyskazyvaniya-v-tatarskoi-i-russkoi-dialogicheskoi-rechi-na-materiale-otr> . — Дата доступа: 10.04.2017.

УДК 81

К. Ю. Маркевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРОБЛЕМА НОМИНАЦИИ ПРОФЕССИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Введение. Этимология — это происхождение слова и наука о происхождении слов [1, с. 547]. Она является одной из многочисленных наук о языке и, наверное, наиболее интересной. Язык каждого народа очень подвижен, в нем постоянно происходят незначительные изменения, которые со временем накапливаются и образуют новые языковые феномены.

Основная часть. Процесс номинации осуществляется на базе уже известного понятия, обозначенного словом. Человек всегда пытается понять новое через уже известное, например: *der Asphaltieur* ← *der Asphalt, asphaltieren*; *der Bäcker* ← *backen*; *der Bibliograph* ← *die Bibliographie*; *вышивальщик* ← *вышивать*; *колбасник* ← *колбаса*; *охотник* ← *охота*.

Анализ научной литературы позволил сделать вывод, что наименования профессий разделяют на исконно немецкие лексемы, заимствования из других языков и интернационализмы.

Согласно концепции В. В. Акуленко, под интернациональными понимаются лексемы, сходные до степени идентичности с полной или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и представленные в нескольких (не менее чем в трех) языках [2, с. 127].

Интернационализмы, как отмечает М. Н. Володина, в отличие от простых заимствований, возникающих в результате межкультурных контактов, выражают понятия международного значения и имеют широкую сферу употребления [3, с. 33].

В языке наблюдается общая закономерность: заимствованные названия лиц по профессии приходят тематическими блоками, донором же выступает язык той страны, в которой соответствующая сфера деятельности получила наибольшее развитие. Например:

— профессии сферы экономики и торговли: *логист, девелопер* (специалист, работающий с проектированием, разрабатывающий бизнес-планы, строительные проекты, покупки или аренды земельных участков для строительства объектов недвижимости, рекламных компаний, инвестирования), *мерчендайзер, менеджер, коучер* (консультант руководителя по созданию структуры персонала, кадровой политике и стратегиям кризисного менеджмента, проводит психологические тренинги для руководителей и персонала компании), *трейдер* (сотрудник брокерской фирмы, выполняющий заказы клиентов на куплю-продажу ценных бумаг на бирже), *маркетолог, аудитор, дилер* (предприниматель, торгующий в розницу продукцией, которую он закупил оптом), *дистрибьютор* (лицо, которое от имени фирмы-изготовителя занимается сбытом и гарантийным обслуживанием продукции), *консигнатор* (агент, посредник, физическое или юридическое лицо, принимающее на себя обязательство исполнять поручения